

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотекы городскихъ училищъ.

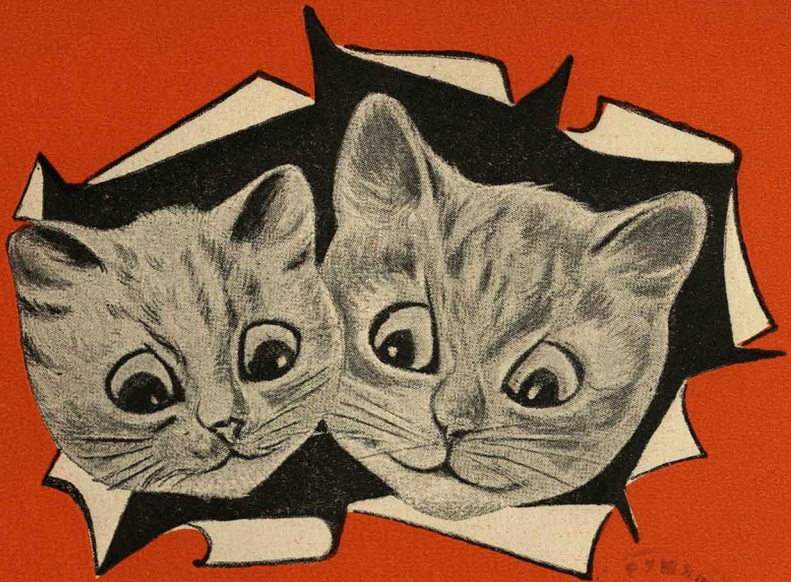
VI 45
10

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ.

№ 18.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАЗЛИВЪ.
ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.
ДРУЖОКЪ И ѲОМКА (повѣсть).
ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ.
СКАЗКИ О РОЗАХЪ.
СОРНЫЯ ТРАВЫ.
РЕБУСЪ, ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Великосвѣтскія сани временъ Императрицы Екатерины Великой» — для склеиванія (продолженіе).

№ 18. Июль, 1909.

Годъ изданія II-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

...Онъ отбивался отъ крысъ, которыя старались взобраться на то-же дерево, на которомъ сидѣлъ и онъ.

РАЗЛИВЪ.

На берегу быстрой и бурной рѣки Безпуты, верстахъ въ четырехъ отъ села Иванькова, стояла небольшая избушка, въ которой жилъ перевозчикъ. У него былъ паромъ, представлявшій собою нѣчто, похожее на большую, плоскодонную лодку, на которой онъ перевозилъ съ берега на берегъ людей и ихъ экипажи.

У этого перевозчика была маленькая дочь, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, по имени Фима. Она была крестницей богатой помѣщицы Купчинской, которая жила недалеко отъ перевоза въ роскошной усадьбѣ, садъ отъ которой спускался прямо къ рѣкѣ Безпутѣ.

Фима была очень симпатичнымъ ребенкомъ съ большими синими глазами, съ черными курчавыми волосами и съ яркимъ румянцемъ на щекахъ. Для своихъ лѣтъ она была довольно высока и сильна и часто вмѣсто отца перевозила на паромѣ пассажировъ, которые платили за это на одну или двѣ копейки дороже и она отдавала ихъ отцу. За ея смѣлость, съ которой она пускалась по бурливой рѣкѣ, ее прозвали русалкой.

— Гдѣ здѣсь по близости переѣхать черезъ рѣку? задавали пассажиры вопросъ.

— А вы отправляйтесь къ перевозчику Филиппу, отвѣчали другіе, — тамъ васъ перевезетъ на паромѣ его дочь русалка!

И всѣ ѣхали къ русалкѣ.

Мать у Фимы умерла уже давно и весь домъ отца былъ теперь у нея на рукахъ. Вѣчно дѣятельная, трудолюбивая, она готовила обѣды, мыла и стирала, когда на паромѣ находился ея отецъ, и все время пѣла звонкимъ, серебристымъ голоскомъ. Окончивъ свои домашнія занятія, она выходила изъ избушки, садилась на берегу рѣки подъ тѣнью серебристыхъ ивъ и принималась за шитье, оставляя его только тогда, когда являлась необходимость перевезти кого-нибудь черезъ рѣку.

Иногда къ ней подѣзжали на красивенькой, щегольской лодочкѣ сынъ помѣщицы Купчинской Гриша и его учитель Карлъ Матвѣичъ и приглашали ее съ собой кататься. Въ такія минуты она была наверху блаженства. Она любила грести веслами и для нея составляло большое удовольствіе плыть противъ теченія быстрой рѣки и прислушиваться къ всплескиванію воды у носа лодки. Съ голыми руками, подобравъ высоко рукава и упершись босыми ножками въ полъ, она напрягала свои мускулы и гребла противъ теченія такъ, какъ не сумѣлъ бы грести и взрослый юноша.

— О, изъ вашъ Фима будетъ замѣшательный дѣвицъ! говорилъ ей отцу Карлъ Матвѣичъ и многозначительно поднималъ при этомъ ука-

зательный палецъ кверху.—Это дѣйствительно настоящій рузалка!

Фима очень любила свою крестную мать и эта, въ свою очередь, относилась къ ней, какъ къ родной. Дѣвочка часто бывала въ усадьбѣ, играла тамъ съ Гришей и была такъ дружна съ нимъ, что ихъ можно было бы принять за родныхъ брата и сестру.

Домъ въ усадьбѣ Купчинской стоялъ высоко, наверху, а садъ и паркъ спускались отъ него внизъ прямо къ рѣкѣ, такъ что отъ дома до рѣки приходилось идти по аллеямъ и лужкамъ довольно большое пространство. Весною, когда Безпута широко разливалась, всѣ нижнія части парка были залиты водой, и когда она сбывала, то на мѣстѣ разлива выростала превосходная трава. Съ версту выше усадьбы и парома находилась водяная мельница, которая въ нѣсколько колесъ работала и по днямъ, и по ночамъ.

Однажды Гришѣ привезли изъ города щенка. Гриша не любилъ собакъ и скоро пересталъ щенкомъ заниматься вовсе.

— Подари мнѣ этого щеночка! — обратилась къ нему Фима. — Я его буду кормить и онъ будетъ насъ сторожить.

— Возьми! — отвѣтилъ ей Гриша.

Фима не ожидала, что онъ такъ легко согласится подарить ей щенка и, схвативъ его въ охапку, со всѣхъ ногъ пустилась изъ усадьбы къ себѣ на перевозъ. Она стала кормить его

и изъ него получился прекрасный, породистый водолазъ. Она назвала его Милымъ. Вскормленный Фимой, Милый ни на минуту не оставлялъ ее одну и всюду слѣдовалъ за нею. Когда она сидѣла у рѣки и вязала, онъ располагался тутъ же невдалекѣ и все время не спускалъ съ нея своихъ большихъ добрыхъ глазъ, а когда она входила на паромъ, чтобы перевезти кого-нибудь на другой берегъ, то прыгалъ на паромъ и онъ. Когда она спала, то онъ ложился около ея постели и спалъ такъ сладко, что во снѣ лаялъ и храпѣлъ, какъ человѣкъ.

— Ну, Милый, обращай къ нему Фима,—такъ мы съ тобой и воровъ проспимъ!

И Милый виновато вилялъ передъ нею хвостомъ, точно извиняясь или точно желая сказать ей, что онъ вовсе не предназначенъ для того, чтобы стеречь домъ, а что если представится случай, то и онъ сумѣетъ показать себя полезнымъ.

Но вотъ наступило дождливое время и цѣлыя недѣли дождь лилъ не переставая, какъ изъ ведра. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Безпута вышла изъ береговъ и затопила собою поля и луга и деревья стали походить на острова, со всѣхъ сторонъ окруженные водою. Но въ паркѣ у Купчинской до этого еще не дошло и Карлъ Матвѣичъ и Гриша, уставъ сидѣть цѣлые дни дома, рѣшили пойти на рыбную ловлю. Они взяли свои удочки и, спустившись къ рѣкѣ, стали удить.

— Здѣсь ошень кусаются комарь... сказаль вдругъ Карль Матвѣичъ и, забравъ свои снасти, отправился куда-то влѣво.—Ты здѣсь сиди, Гриша, я буду скоро приходиль.

И онъ скрылся изъ виду.

Пошелъ дождь и зашумѣлъ на поверхности рѣки. Но Гриша былъ одѣтъ въ непромокаемое пальто и потому не боялся промокнуть.

А тѣмъ временемъ вода въ рѣкѣ поднималась все выше и выше и достигла такой высоты, что Филиппъ уже не могъ работать со своимъ паромомъ и долженъ былъ сидѣть сложа руки дома.

— Пойду-ка я въ Иваньково за керосиномъ да за крупой! вдругъ сказаль онъ и взялся за армякъ.—А ты здѣсь будь осторожна и не шали съ Милымъ около рѣки... Не ровень часъ, поскользнешься да и упадешь въ воду... Всякое бываетъ!

Фима улыбулась и подала ему кушакъ.

— Такъ и леть!.. Такъ и леть!.. продолжалъ Филиппъ, одѣваясь.—Не дай Богъ, плотину на мельницѣ прорветъ, тогда будетъ бѣда... Затопитъ все, да такъ скоро, что и скотину убрать не поспѣютъ... Ну, прощай, я скоро вернусь.

И, взявшись за палку, онъ вышелъ и скоро скрылся за сѣрою пеленою дождя.

Фима сѣла у окна и, напѣвая, принялась за шитье. Она такъ увлеклась, что и не выглянула ни разу въ окошко и все шила и шила. Дождь стегаль

каплями по стекламъ и въ природѣ было такъ грустно, такъ печально, что казалось, что эти капли дождя были ея слезами. Милый лежалъ въ уголку и то и дѣло приподнималь голову и прислушивался. Какъ вдругъ онъ вскочиль съ мѣста, приподняль уши и насторожился. Было похоже на то, точно въ шумѣ непогоды онъ услышалъ какой-то другой шумъ, который его встревожилъ.

— Что ты, Милый? обратилась къ нему Фима.—Лягъ! Чего ты?

Собака съ безпокойствомъ поглядѣла на нее, жалобно заскулила, направилась къ двери, остановилась и стала снова прислушиваться.

— Что ты чуешь? вновь спросила ее Фима.—Кто-нибудь чужой? Это навѣрное отецъ!

Но собака громко залаяла и изо всѣхъ силъ бросилась на дверь, чтобы ее отворить.

Фима встала и отворила ей дверь. То, что она увидѣла въ нее, привело ее въ ужасъ. На мельницѣ прорвало плотину и поднявшаяся почти до самаго порога избушка рѣка залила собою все и яростно бушевала. По ней неслись вырванныя съ корнемъ деревья, изгороди, бревна. Паркъ Купчинскихъ былъ весь залитъ и все это случилось такъ быстро, что Фима едва могла сообразить, въ чемъ дѣло, и только крестилась и въ страхъ ея губы шептали:

— Господи, спаси и помилуй! Сохрани насъ, Божія Матерь!.. Гдѣ-то теперь отецъ?..

Милый выскочилъ изъ избушки и, какъ стрѣла, помчался куда-то въ сторону парка Купчинскихъ. Скоро издалека раздался его громкій лай и слышались затѣмъ протяжные вой и визжанье.

«Тамъ что-нибудь случилось»... подумала Фима и, набросивъ на себя платокъ, бѣгомъ бросилась къ тому мѣсту, откуда доносился голосъ собаки. Но почувявъ ея приближеніе, Милый самъ кинулся къ ней на встрѣчу и схвативъ ее зубами за платье, потянулъ ее за собою.

— Тише, Милый!.. шептала она и дрожала отъ предчувствія чего-то недобраго.—Ты разорвешь мнѣ юбку! Брось ее! Вѣдь я и такъ иду.

Онъ выпустилъ изъ зубовъ ея одежду и, радостно залаявъ, побѣжалъ впередъ. Она послѣдовала за нимъ.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, разлившаяся рѣка шумѣла и вѣтеръ завывалъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Какъ вдругъ Милый остановился и громко залаялъ въ воздухъ. Фима всмотрѣлась и на одномъ изъ деревьевъ, кругомъ залитыхъ водою, увидѣла Карла Матвѣича. Онъ уцѣпился за его вѣтви, снялъ съ себя одинъ сапогъ и почему-то бѣшено потрясалъ имъ въ воздухъ. Всмотрѣвшись лучше, Фима увидѣла, что онъ отбивался отъ крысъ, которыя, будучи застигнуты наводненіемъ, старались взобраться на то же дерево, на которомъ сидѣлъ и онъ. Онъ жалобно пицали.

— Погодите!—крикнула ему Фима съ суши.—Я сейчасъ сбѣгаю за лодкой и приплыву къ вамъ.

— Я здѣсь въ безопасности,—отвѣчалъ ей Карлъ Матвѣичъ.—Спасите лучше ребенка. Онъ находится гдѣ-нибудь здѣсь вблизи и его захватила вода такъ же, какъ и меня.

Но въ это время Милый перебѣжалъ въ другое мѣсто, остановился около самой воды и сталъ лаять еще громче. Фима побѣжала за нимъ, посмотрѣла на то мѣсто, куда онъ лалялъ, и испустила громкій крикъ. На самой серединѣ рѣки, беспомощно цѣпляясь за вырванную съ корнемъ иву, отчаянно бился съ волнами мальчикъ... Онъ ухватился наконецъ за ея стволъ руками и, болтая въ водѣ ногами, старался доплыть до того мѣста, гдѣ стояли Фима и ея собака, но быстрымъ теченіемъ его уносило назадъ.

— Гриша!.. Гриша!..—кричала она, поблѣднѣвъ отъ страха и не зная въ первую минуту, что дѣлать.

Но это было одну только минуту. Она призвала къ себѣ все свое мужество и рѣшила во что бы то ни стало его спасти. Не дожидаясь ея, Милый бросился въ воду и пустился вплавъ къ Гришѣ. Она хотѣла было послѣдовать его примѣру и тоже броситься въ воду, такъ какъ плавала хорошо, но что она могла сдѣлать въ такой быстринѣ? Все равно у нея не хватило бы силъ удержать долго Гришу на водѣ. Къ тому же въ этомъ мѣстѣ теченіе было настолько сильно,

что все равно отнесло бы на глубину и она неминуемо пошла бы ко дну вмѣстѣ съ тѣмъ, кого она такъ хотѣла спасти.

— Господи, — вздыхала она — что же мнѣ дѣлать?

Но вдругъ ея лицо засвѣтилось радостью. Она вспомнила о паромѣ своего отца, который стоялъ на привязи у ихъ избушки. Сколько хватало духу, она побѣжала изо всѣхъ силъ домой и стала сдвигать барку въ воду. Но она была такъ тяжела, что не подавалась съ мѣста. Упершись дномъ въ береговые камни, она плотно на нихъ сидѣла. Но Фима не падала духомъ. Она не замѣчала, какъ дождь стегалъ ее прямо по лицу и, полная рѣшимости, стала сдвигать съ мѣста паромъ.

— Я спасу его... — шептала она. — Я не дамъ ему утонуть!

Но вотъ барка подалась и мало-помалу поползла къ водѣ. Схвативъ въ руки весла, она прыгнула въ нее и, призвавъ на помощь всѣ свои силы, поплыла туда, гдѣ въ отчаяніи барахтался Гриша, котораго уже поддерживалъ Милый. Самоотверженная собака уже выбилась изъ силъ и то и дѣло поворачивала голову въ ту сторону, откуда плыла Фима, точно желала взглядомъ подбодрить дѣвочку плыть скорѣе.

Фима усердно дѣйствовала веслами, ни на секунду не спуская глазъ съ той ивы, за которую цѣплялся Гриша, и не обращала ни малѣйшаго вниманія на бушевавшую непогоду. Отбросивъ

назадъ свою шаль и стиснувъ зубы, она боролась съ вѣтромъ и рѣкой и наконецъ приплыла къ погибавшему.

— Гриша! Гриша! — закричала она ему внѣ себя отъ радости.

И схвативъ мальчика за руки, она стала тащить его въ барку. Съ большими отъ испуга глазами, смертельно блѣдный, выбившійся изъ силъ, Гриша почувствовалъ, что часъ спасенія его насталъ и, собравъ послѣднія силы, сталъ карабкаться на паромъ. Возбравшись на него, онъ лишился чувствъ и повалился всѣмъ тѣломъ на дно. Милый вслѣдъ за нимъ вскочилъ на лодку и, отряхнувшись, сталъ лизать мальчика прямо въ лицо.

— Наконецъ-то! — вздохнула съ облегченіемъ Фима. — Я спасла его!..

И повернувъ свою лодку, она хотѣла плыть обратно, но теченіе было настолько велико, что грести противъ него у нея уже не хватало силъ. Громадная опасность представлялась ея глазамъ и сердце ея забилося отъ испуга. Напрягши всѣ мускулы, изогнувшись въ дугу, она налегла на весла, но бороться съ силой теченія теперь уже не имѣло никакого смысла. Она съ отчаяніемъ поднимала и опускала весла и всякій разъ, какъ налегала на нихъ, она чувствовала, какъ что-то обрывается у нея въ груди. Дождь по-прежнему стегалъ ее по лицу, вѣтеръ старался сорвать ее съ мѣста, но она упорно держалась своего и старалась во что бы то ни стало побѣдить теченіе, которое уносило ее въ пучину. Она

понимала въ эту минуту, что должна была спасать уже свою собственную жизнь, и упрямо стремилась добиться цѣли.

— Господи, спаси меня! молилась она.— Не дай мнѣ погибнуть въ этой рѣкѣ!.. На кого останется мой отецъ?..

Но что могла сдѣлать маленькая одиннадцатилѣтняя дѣвочка съ безумствовавшимъ потокомъ! Она была для него слабой соломинкой, которую онъ могъ унести, куда ему было угодно.

— Нѣтъ, не могу больше... сказала дѣвочка и весла вывалились у нея изъ рукъ.

Блѣдная, закрывъ глаза, она почувствовала вдругъ, что силы оставляютъ ее и, тоже лишившись чувствъ, повалилась всѣмъ тѣломъ на Милаго и Гришу.

— Умираю... мелькнуло у нея въ умѣ.— Прощай!..

Не управляемая больше веслами, барка почувствовала свободу и съ быстротою понеслась по волнамъ вдоль рѣки. Она прыгала, вертѣлась вокругъ самой себя и походила на лошадь, сбросившую съ себя упряжь. А затѣмъ настала ночь и въ ея мрачной глубинѣ потонула и барка, и въ ней Фима, Гриша и Милый... Только издалека, сквозь темноту и вой непогоды доносился иногда жалобный вой собаки, призывавшей на помощь...

А когда Фима пришла въ себя, то было уже свѣтло и тепло. Она открыла глаза и съ удивленіемъ обвела ими по сторонамъ. Она лежала

на чьей-то постели, въ чужой избѣ и какіе-то посторонніе, незнакомые ей люди суетились около нея и старались привести ее въ чувство.

— А Гриша? Гдѣ онъ?—первымъ дѣломъ спросила Фима, едва только пришла въ себя.

— Онъ спитъ... отвѣтила какая-то женщина.— Пришелъ въ себя, поѣлъ немного и теперь крѣпко спитъ...

Въ эту минуту въ избу вошелъ какой-то мужчина. Это былъ Филиппъ, отецъ Фимы. Сосѣдніе крестьяне, увидѣвъ его паромъ, несшійся вдоль рѣки и услышавъ доносившійся изъ него лай собаки, переняли его и притянули его къ берегу.

— Да вѣдь это Фима, перевозчицова дочка!—сказали они, вынувъ дѣвочку изъ барки.— Это и собака ея! Вотъ бѣдняга!

— Стой, братцы,—сказали другіе крестьяне.— Здѣсь есть и еще кто-то... Какой-то мальченка! Видно и онъ тоже утопый, какъ и она!

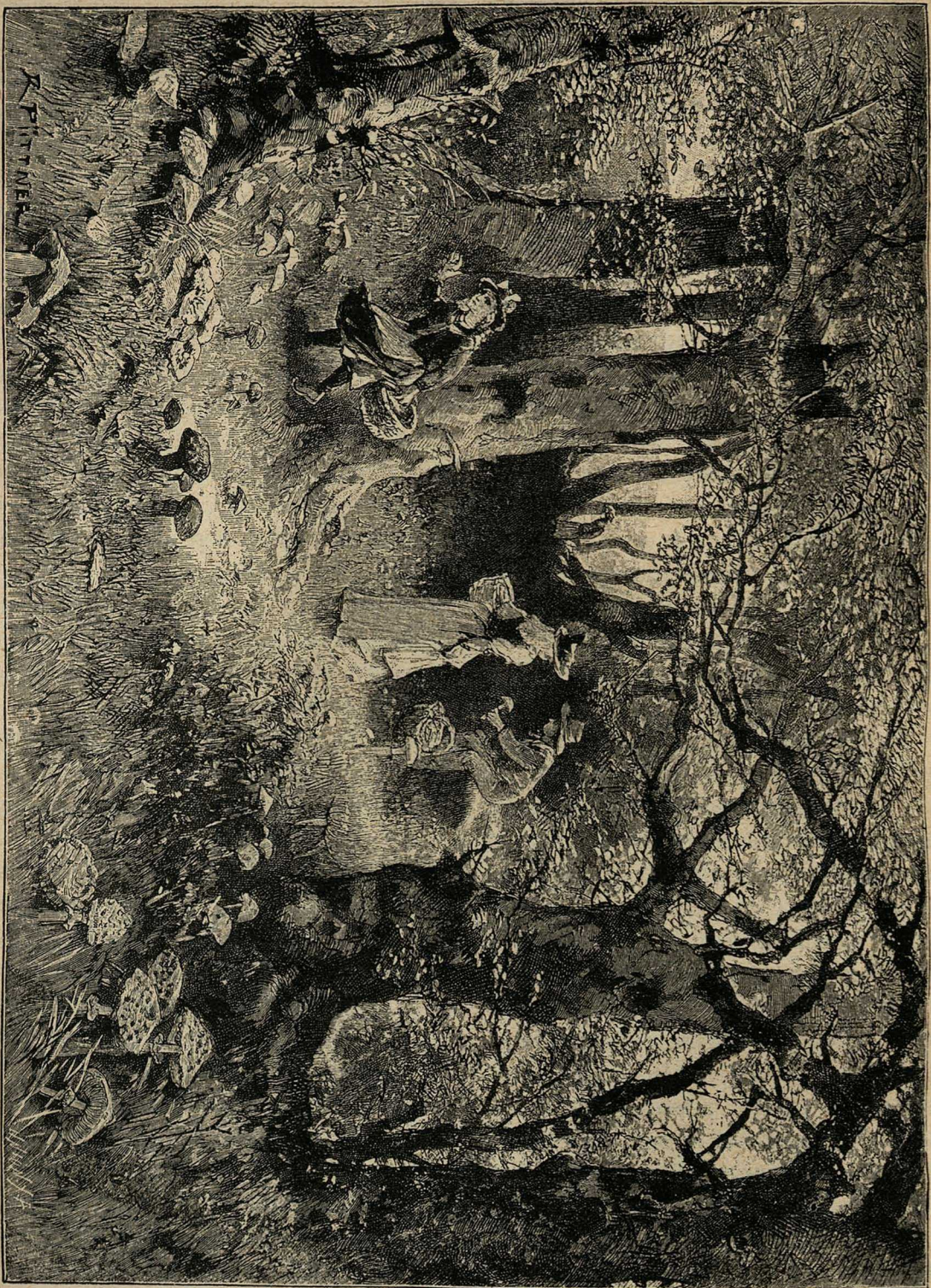
И, вытащивъ Гришу на берегъ, они навели на него фонарь и узнали и его.

— Да это Гринька—воскликнули они,—нашей барыни сынишка! Скорѣй скачите въ усадьбу и доложите обо всемъ барынѣ Купчинской!

— Кстати ужъ пушай верховой увѣдомитъ и Филиппа. Пушай онъ, молъ, скорѣй идетъ сюда! Его дочь, молъ, Фимка, утопла; одна видимость отъ нея только и осталась! Одна только, молъ, собачица и жива!

Крестьяне взяли дѣтей на руки,

Грибная пора.

Въ Бангкокѣ, въ Сіамѣ. Ъзда на слонахъ.

внесли ихъ въ старостину избу и стали ихъ отогрѣвать, а одинъ изъ нихъ осѣдлалъ лошадь и, что было духу, поскакалъ къ барынѣ Купчинской и къ Филиппу. Пока барынѣ закладывали тарантасъ, Филиппъ со всѣхъ ногъ бросился на мѣсто проис-

шествія и успѣлъ прибѣжать къ Фимѣ раньше, чѣмъ къ Гришѣ могла пріѣхать его мать.

А Карлъ Матвѣевичъ такъ всю ночь и просидѣлъ на деревѣ, и отбивался отъ крысъ.

С. Вершининъ.

ЛѢТНІЙ ДОЖДЬ.

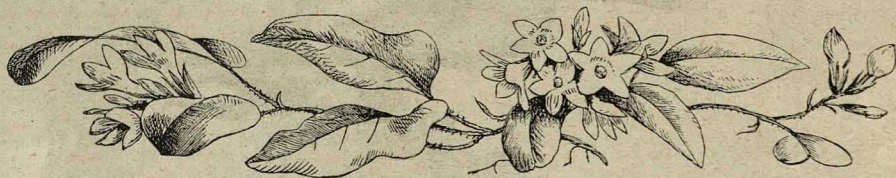
Громъ пугалъ своимъ раскатомъ,
Дождикъ лилъ, какъ изъ ведра,
А прошелъ—и ароматомъ
Потянуло со двора.

И мы окна растворили,
Надышаться не могли...
Слава Богу, нѣтъ ужъ пыли,
Не подняться ей съ земли!

Солнце весело сіяетъ,
По стеклу течетъ слеза
И далеко гроыхаетъ
Отошедшая гроза.

Въ небѣ ясномъ таютъ тучки,
Вновь блистаетъ яркій день
И ребяты веселыхъ ручки
Рвутъ душистую сирень.

Ирисъ.

ДРУЖОКЪ и ТЮМКА.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Черезъ трое сутокъ «Байронъ» прибылъ въ Марсель. Едва только онъ присталъ къ берегу, едва только съ него спустили мостки, какъ молодая дама, которая взяла на сохраненіе вещи Сони, почти тотчасъ-же за-

сутилась и стала проталкиваться сквозь толпу, чтобы какъ можно скорѣе выйти на сушу. Въ рукѣ она держала довольно тяжелый чемоданъ, который не хотѣла дать нести ни одному носильщику.

— Вотъ вамъ ваша сумочка, обратилась она къ Сонѣ и, дѣйствительно протянула къ ней ея сумочку, которую тотчасъ-же и схватилъ въ зубы Дружокъ.— Подождите меня на пароходѣ. Минуты черезъ двѣ я прибѣгу за вами, чтобы отвезти васъ въ гостинницу.

Но прошли пять, десять, пятнадцать минутъ, на палубѣ парохода не осталось уже ни души, а Соня стояла у борта съ Дружкомъ на цѣпочкѣ и со своей корзиной и все ожидала возвращенія этой дамы.

Странное безпокойство стало закрадываться въ ея душу.

Прошло еще нѣсколько минутъ, которыя показались для Сони вѣчностью. Она поняла, что ее обманули и бросили одну. Что оставалось дѣлать?

Она стала припоминать названіе той гостинницы, про которую ей говорила госпожа Симсонъ, но, не смотря на всѣ усилія, никакъ не могла его вспомнить. Адреса-же ея уже не было въ сумочкѣ, вѣроятно его захватила съ собою дама. Тревога Сони была настолько велика, что она не смогла даже припомнить и того мѣста, куда ѣхала и гдѣ жила ея тетя.

— Вы куда отправляетесь, мадамуазель?—спросилъ ее капитанъ.

Соня растерялась, заплакала и ничего не смогла ему отвѣтить.

Капитанъ пожалъ плечами и пошелъ далѣе.

Дружокъ, который видѣлъ и принималъ все ея затрудненіе, то и дѣло

подавалъ ей свою лапу и смотрѣлъ на нее жалостными, круглыми глазами.

— Господи, что мнѣ дѣлать?—проговорила Соня, теряя самообладаніе,— что со мною будетъ?

И, закрывъ лицо руками, она горько зарыдала.

Какая-то женщина, просто, но очень прилично одѣтая, подошла къ ней и взяла ее за подбородокъ.

— Вы не Соня Курганова?—спросила она ее.

— Да...—отвѣтила Соня въ удивленіи и глаза ея засверкали отъ радости.

— Чего вы такъ плачете?

— Не знаю, куда идти...

— Вы думаете, что о васъ забыли? Напрасно! Г-жа Симсонъ прислала въ нашу гостинницу письмо съ просьбой встрѣтить васъ на пароходѣ и вашу карточку, по которой мы могли бы васъ узнать,—и вотъ я пріѣхала за вами изъ гостинницы и возьму васъ сейчасъ съ собой. Я—одна изъ служащихъ гостинницы. Вотъ мой номеръ. Если хотите, можете показать его капитану этого парохода, чтобы онъ могъ знать, кто и куда васъ отсюда увезъ. Пойдемте-же, дорогая моя, карета уже готова!

Сердце Сони запрыгало отъ радости, она быстро отерла платкомъ глаза и довѣрчиво послѣдовала за женщиной. Та усадила ее въ карету и онѣ поѣхали вмѣстѣ въ городъ. Громадныя постройки потянулись по бокамъ кареты, выѣски, магазины и Соня поняла, что она пріѣхала въ очень

большой городъ, въ которомъ легко было потеряться.

Вкорѣ подѣхали къ гостинницѣ, гдѣ взявшая ее съ парохода женщина провела ее въ приготовленный для нея номеръ и, несмотря на то, что ей очень хотѣлось спать, тотчасъ же повела ее въ ванну. Когда ее привели назадъ, то она еле могла двигаться отъ усталости и уже не помнила ничего, ни какъ ее раздѣли и уложили спать, ни какъ она заснула и провела свою первую ночь въ гостинницѣ. На утро она проснулась съ головою болью и когда ей подали позавтракать, то она не смогла ничего ѣсть и такъ и не вставала съ постели. Неужели же она заболѣла?

Вѣрный Дружокъ все время сидѣлъ около нея и во всю ночь не забывался ни на одну минуту: онъ нюхалъ воздухъ, прислушивался и выраженіе его глазъ было таково, точно каждую минуту онъ ожидалъ врага.

Полежавъ немного съ открытыми глазами, Соня заснула опять и проспала почти до вечера. Когда она проснулась, то лучи заходящаго солнца заливали весь ея номеръ и ей почему-то показалось, что она снова въ Алжирѣ, въ семьѣ мистрисъ Симсонъ, и она вскочила съ кровати и босякомъ подбѣжала къ окошку. Но вмѣсто пальмъ, какъ въ Алжирѣ, и голубого моря, изъ окна виднѣлись однѣ только крыши домовъ, да фабричныя трубы и гдѣ-то внизу, точно на днѣ пропасти, гудѣли людскіе голоса и раздавался стукъ экипажей. Она одѣлась,

сѣла на диванчикъ и стала играть съ Дружкомъ.

Вдругъ кто-то постучался къ ней въ дверь и вошла та самая женщина, которая привезла ее съ парохода въ гостинницу.

— Вы уже встали?—ласково сказала она.—А мы думали, что вы больны!

Она подошла къ Сонѣ и поцѣловала ее въ щеку.

— Теперь вамъ надо покушать,— продолжала женщина,—и если вы здоровы, то сегодня-же вамъ надо и продолжать вашъ путь. Билетъ у васъ взятъ до самой Россіи, хозяинъ нашей гостинницы дастъ телеграмму о вашемъ отъѣздѣ г-жѣ Симсонъ и я сама усажу васъ въ вагонъ. Кушайте же, дитя мое,—и я отвезу васъ на вокзалъ. Г-жа Симсонъ прислала намъ телеграмму, чтобы мы отправили васъ въ Россію какъ можно скорѣе.

Она позвонила и въ номеръ вошла горничная, которая поставила на столъ обѣдъ. Не ѣвшая уже со вчерашняго дня, Соня съ аппетитомъ покушала, развеселилась и стала собираться въ путь. Дружокъ прыгалъ вокругъ нея и отъ радости даже вылъ. Затѣмъ она одѣлась, привязала Дружка на цѣпочку и вмѣстѣ съ женщиной спустилась по подъемной машинѣ внизъ. Женщина усадила ее въ вагонъ, поцѣловала ее въ щеку, дала ей въ руку билетъ и уѣхала обратно.

Узнавши, что она ѣдетъ такъ далеко одна, пассажиры заинтересо-

вались Соней и хотя во Франціи не позволяется держать при себѣ въ вагонахъ собакъ, однако они разрѣшили ей держать Дружка при себѣ и когда пришелъ кондукторъ и косо поглядѣлъ на пса, то всѣ они стали его просить, чтобы онъ взглянулъ на это сквозь пальцы и не разлучалъ дѣвочку съ собакой.

Такъ Соня проѣхала черезъ Францію, Ломбардію, видѣла издали Альпійскія горы и потомъ черезъ Венецію, знаменитый Земмерингъ и Вѣну приѣхала въ Россію. Вотъ ужъ русскіе солдатики, русская рѣчь, вывѣски на русскомъ языкѣ и русскія широкобородыя лица. Пахнеть щами и борщомъ и поѣздъ на станціяхъ стоитъ уже такъ долго, что можно и самой выйти изъ вагона и погулять съ Дружкомъ по платформѣ.

— Барышня, вы куда ѣдете?—то и дѣло спрашивали ее.

— Къ тетѣ, въ Крымъ...—отвѣчала она.

— А издалека?

— Изъ Африки, изъ Алжира... Тамъ умерла моя мама, и я ѣду къ тетѣ въ Крымъ.

— И все время одни?

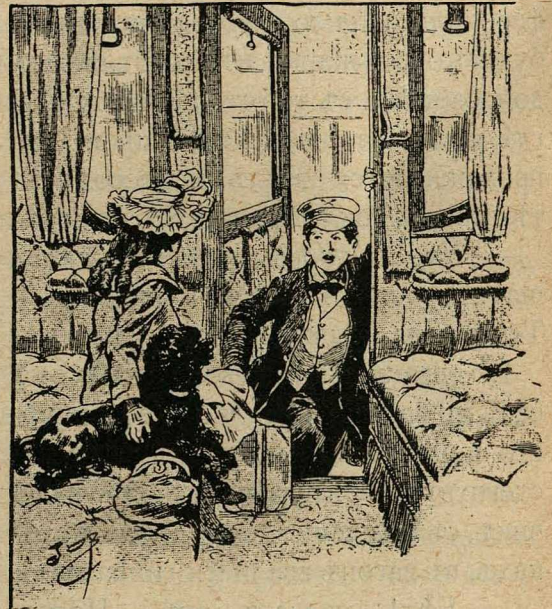
— Все время одна...

— Удивительно!

И всѣ смотрѣли на нее съ нескрываемымъ удивленіемъ и не знали, гдѣ ее посадить, чѣмъ угостить и чѣмъ покормить ея вѣрнаго Дружка. А умная собака, точно понявъ, что она возвратилась опять на родину, гдѣ не была цѣлыхъ полтора года, ласти-

лась ко всѣмъ, виляла хвостомъ и всѣмъ лизала руки, и того враждебнаго выраженія глазъ, которое она имѣла за-границей, у нея точно и не бывало.

Но вотъ ужъ Синельниково, вотъ Мелитополь, еще одна ночь и Соня будетъ уже въ Крыму. Поѣздъ мчится, какъ за-границей, по бокамъ тянутся необозримыя пустынные поля и большимъ краснымъ кругомъ заходитъ солнце. Соня протягиваетъ ноги, смыкаетъ глаза и крѣпко засыпаетъ, Дружокъ укладывается у нея въ ногахъ и засыпаетъ тоже. Здѣсь ему нечего бояться за свою госпожу, здѣсь она уже дома и онъ мирно спитъ и только иногда силится залаять во снѣ, когда ему снятся пароходъ и та нарядная дама, которую

...Весь въ поту и въ пыли, растегнувъ на всѣ пуговицы свой мундирчикъ, въ вагонъ ввалился гимназистъ.

онъ такъ не взлюбилъ съ перваго же взгляда при переѣздѣ изъ Алжира въ Марсель.

Наступаетъ утро. Соня открываетъ глаза, отдергиваетъ занавѣску и старается понять, гдѣ она находится сейчасъ. Поѣздъ стоитъ около какой-то станціи, взадъ и впередъ ходятъ татары въ черныхъ барашковѣхъ шапочкахъ и слышно, какъ отъ вокзала отъѣзжаютъ экипажи. Соня оглядывается по сторонамъ и замѣчаетъ, что во всемъ вагонѣ она совершенно одна: пока она спала, всѣ вылѣзли по пути, и въ первый разъ за всю дорогу по Россіи она испытала неприятное чувство одиночества. Но гдѣ-же она? Долго-ли ей еще оставаться одной?

Она беретъ Дружку и выходитъ съ нимъ на платформу. Это Симферополь. Тепло, вѣроятно днемъ будетъ очень жарко, и пахнетъ пылью, доносящейся съ той стороны вокзала, гдѣ стоятъ и ѣздятъ извозчики. Она прохаживается взадъ и впередъ до тѣхъ поръ, пока не раздастся звонокъ.

— Ну, Дружокъ, пойдѣмъ!—обращается она къ своему пріятелю.—Теперь мы должны ѣхать одни...

Но едва только она возвратилась къ себѣ въ вагонъ и усѣлась на свое мѣсто, какъ, весь въ поту и въ пыли, растегнувъ на всѣ пуговицы свой мундирчикъ, съ большимъ чемоданомъ въ рукахъ, въ вагонъ ввалился гимназистъ.

— Уфъ!—сказалъ онъ.—Насилу добѣжалъ! А я думалъ, что ужъ опоздалъ!

Ему было на видъ около тринадцати лѣтъ и вся его внѣшность дышала веселостью и здоровьемъ. Казалось, что ему все было ни почемъ, что онъ готовъ былъ свой послѣдній мундирчикъ отдать своему пріятелю, чтобы только сдѣлать ему пріятное, и что на всѣхъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ близкихъ родственниковъ, хотя иногда и любилъ надъ ними посмѣяться отъ добраго сердца. Ввалившись въ вагонъ, онъ усѣлся какъ можно удобнѣе у самага окошка и сталъ изъ своего уголка наблюдать за Соней.

— Вы издалека ѣдете?—спросилъ онъ ее наконецъ, будучи не въ состояніи долго сдерживать молчаніе.

— Да,—отвѣтила она сухо, боясь, какъ бы онъ ее не обидѣлъ.

— Изъ Москвы? Или изъ Харькова?

— Нѣтъ.

— Значитъ, изъ Петербурга?

— Нѣтъ.

— Такъ откуда же наконецъ?

— Изъ Алжира, въ Африкѣ...

Гимназистъ вытаращилъ глаза и подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Вотъ такъ здорово!—воскликнулъ онъ.—И это одна и только съ этимъ лохматымъ псомъ?

Она вмѣсто отвѣта утвердительно кивнула ему головой.

— Вотъ такъ исторія!..—продолжалъ онъ.—Это даже самъ нашъ учитель географіи такъ далеко не бывалъ!

И, протянувъ руку къ Дружку, онъ хотѣлъ было его приласкать.

— Славная собака...—сказалъ онъ.

— Берегитесь!—воскликнула Соня.—Онъ можетъ васъ укусить!

— Это меня-то?.. Ни за что на свѣтъ... Я славный малый и меня любятъ всѣ собаки и всѣ дѣти во всемъ Крыму.

И смѣло протянувъ руку, онъ положилъ ее на спину Дружку. Къ великому удивленію Сони, вмѣсто того, чтобы заворчать и оскалить зубы, Дружокъ съ довѣріемъ протянулъ къ гимназисту лапу.

— Вотъ видите!—воскликнулъ весело гимназистъ.—Онъ сразу же понялъ, что я славный малый! Это хорошо! Значитъ, мы съ нимъ сейчасъ же сдѣлаемся друзьями. А какъ его зовутъ?

— Дружокъ...

— Вотъ это здорово!.. Значитъ, моимъ дружкомъ будетъ Дружокъ! А какіе славные, понятливые у него глазки! А куда вы ѣдете, мадмуазель?

— Въ Ялту, а затѣмъ на лошадахъ въ Кучукъ-Василь.

— И я тоже!—обрадовался гимназистъ.—У меня тамъ живетъ дядя, славный такой чудакъ, очаровательнѣйшій дядька въ мірѣ,—такъ я ѣду къ нему. А вы къ кому ѣдете?

— Я ѣду къ своей тетѣ, — отвѣчала Соня, уже болѣе довѣрчивая, чѣмъ раньше, благодаря тому, что ея Дружокъ подаль лапу гимназисту.

— А какъ ея фамилія?

— Кругликова...

— Анна Семеновна?

— Да...

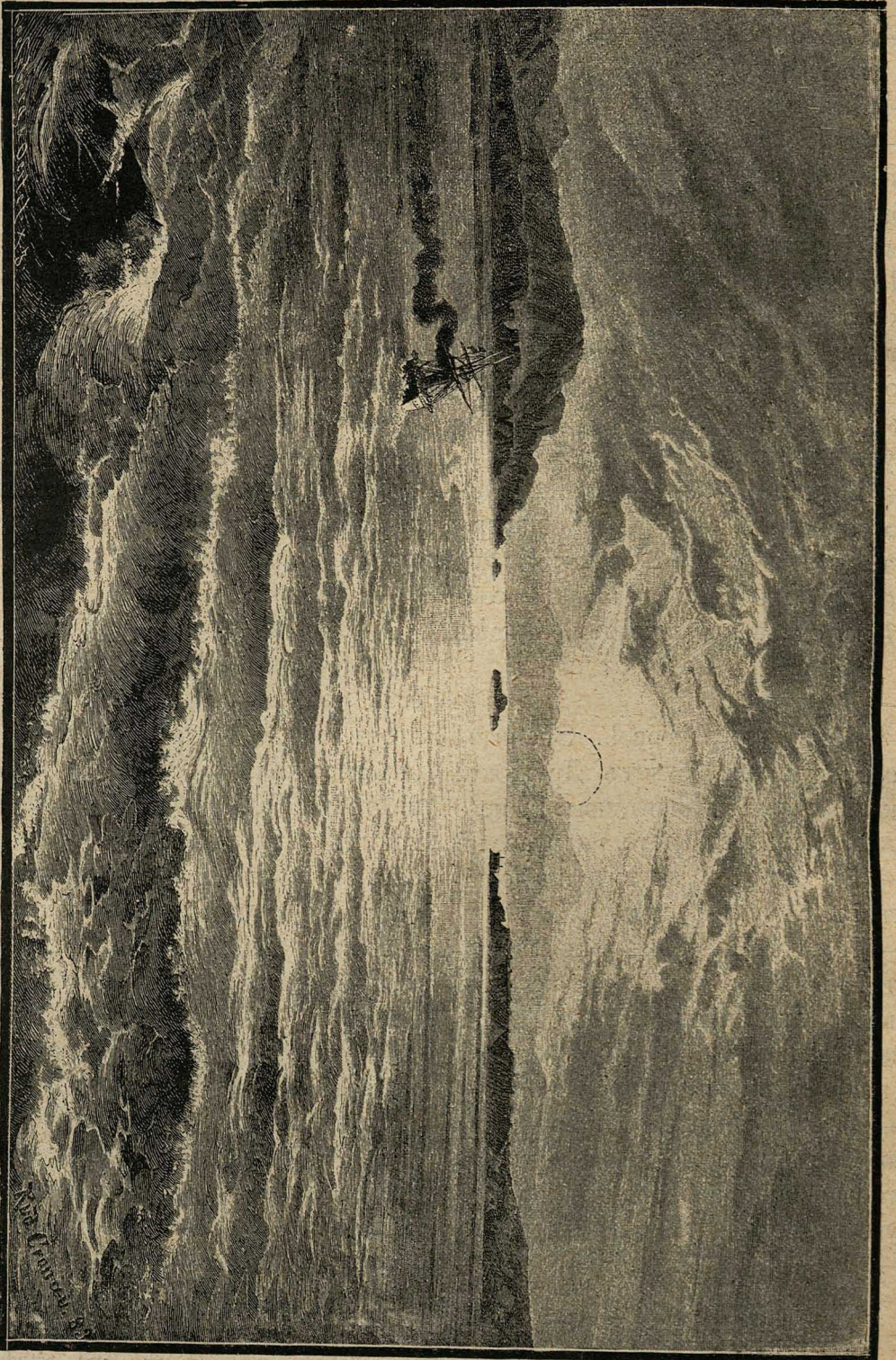
— Вотъ это здорово, доложу я вамъ!—Да вѣдь я ее отлично знаю! Эта старая карга какъ разъ живетъ рядомъ съ моимъ дядей! Только... только, какъ бы мнѣ это вамъ сказать?.. Хотя они и близкіе сосѣди, но живутъ хуже, чѣмъ кошка съ собакой. Отношенія у нихъ очень, такъ сказать, натянутыя.

— Натянутыя?..—повторила Соня, почти совсѣмъ не понимая того, что говорилъ ей гимназистъ.

— Да,—продолжалъ онъ.—Достаточно малѣйшаго повода, чтобы они цѣлый мѣсяцъ не глядѣли другъ на друга.

— Почему?

— Да вотъ почему. Мой дядя большой любитель цвѣтовъ. У него есть свой садъ величиной вотъ съ этотъ носовой платокъ,—и въ немъ онъ насаждалъ массу восхитительныхъ цвѣтовъ. Такіе, понимаете ли, цвѣты, какихъ нѣтъ даже въ ботаническомъ саду. А у вашей тетушки есть котъ, по имени Оомка. Этотъ самый котъ изволить перелѣзать къ моему дядюшкѣ сквозь рѣшетку, копаетъ тамъ землю и ломаетъ его цвѣты. Мой дядюшка на дыбы. Посылаетъ сказать вашей тетушкѣ, что онъ будетъ обливать за это ея Оомку водой. А она ему отвѣчаетъ: «Вы не смѣете этого дѣлать, потому что тогда я заведу десять или двадцать котовъ и они разроютъ у васъ все». Съ тѣхъ поръ и установилась между ними ссора, а это, знаете ли, ужасно неудобно, потому что ихъ отдѣляетъ

ВХОДЪ ВЪ ОКЕАНЪ.

В. П. П. П.

Надобдидвая муха.

другъ отъ друга всего только одна рѣденькая, узенькая рѣшотка, черезъ которую перелѣзаетъ котъ.

— Такъ почему же вашъ дядошка не сдѣлаетъ вмѣсто рѣшотки выскокую стѣну?

— Нельзя! Сквозь эту самую рѣшотку для дядошки открывается видъ на море. Если онъ сдѣлаетъ стѣну, то окажется за нею, какъ въ острогѣ. Кромѣ камней ничего больше не увидитъ и все его цвѣтоводство будетъ ни къ чему и потеряетъ свою цѣну.

Въ такомъ родѣ они продолжали свой разговоръ до тѣхъ поръ, пока поѣздъ, миновавъ Бахчисарай, не сталъ влетать въ туннели и вылетать изъ нихъ на чистый воздухъ и на ясный день. Это занимало гимназиста и все время онъ вскакивалъ, вертѣлся на мѣстѣ и приходилъ въ восторгъ.

— Вы проѣзжали когда-нибудь черезъ туннели? — обратился онъ къ Сонѣ.

— Да, — отвѣтила она ему. — Когда мы ѣхали въ Австріи черезъ Тироль, то, переѣзжая черезъ Земмерингъ, проскочили черезъ множество туннелей. Одинъ изъ нихъ былъ такой длинный, что намъ казалось даже, что онъ никогда не кончится.

— Ну такъ васъ не удивишь! — воскликнулъ гимназистъ. — Вы вѣдь всемірная путешественница!

Миновавъ туннели, поѣздъ проѣхалъ мимо Инкермана и по берегу бухты подошелъ къ Севастополю и сталъ мало-по-малу замедлять свой ходъ.

— Мы, кажется, приѣхали? — спросила своего спутника Соня.

— Да, это Севастополь, — отвѣтилъ гимназистъ. — Теперь намъ нужно сѣсть на пароходъ и къ семи часамъ вечера мы будемъ уже въ Ялтѣ.

Поѣздъ остановился, они вылѣзли изъ вагона, наняли извозчика и черезъ весь городъ отправились на пристань. Здѣсь ихъ уже дожидался пароходъ, громадный для Чернаго моря, но показавшійся Сонѣ маленькимъ корабликомъ въ сравненіи съ тѣмъ, на которомъ она плыла черезъ Средиземное море изъ Алжира въ Марсель. Гимназистъ и здѣсь отъ всего приходилъ въ восторгъ и во всю дорогу до Ялты не могъ оторваться отъ Крымскихъ береговъ. Нравились они и Сонѣ, но она уже утомилась отъ слишкомъ длиннаго и долгаго пути и чѣмъ ближе была къ концу своего путешествія, тѣмъ болѣе чувствовала усталость и желала тихаго семейнаго пристанища, гдѣ могла бы побѣгать и гдѣ считала бы себя дома. Поэтому на всѣ восторги гимназиста она отвѣчала только «да» и «нѣтъ», чѣмъ приводила его въ недоумѣніе, и всѣ красоты южнаго берега Крыма казались ей скучными, чѣмъ-то такимъ, что она давно уже видѣла.

Но вотъ и Ялта. Обступившія ее горы хмурятся, бѣленькія постройки кажутся еще бѣлѣе на голубомъ фонѣ горъ и чѣмъ ближе подходитъ къ ней пароходъ, тѣмъ она развертывается все шире и шире и пока-

зываетъ свои красивенькія виллы и дома. Это напоминаетъ Сонѣ французскій городъ Ментону, гдѣ ея мама лечилась отъ чахотки, прежде чѣмъ переѣхать для дальнѣйшаго леченія въ Алжирь.

— Бѣдная мама!—вздыхаетъ Соня и на глаза ея навертываются слезы.

Пароходъ пристаетъ къ молу, бросаетъ якорь, и вотъ Соня и гимназистъ на берегу. Дружокъ стоитъ около нихъ и весело виляетъ хвостомъ. Онъ тоже понялъ, что путешествіе его приблизилось къ концу, и счастливъ безконечно.

Гимназистъ нанимаетъ экипажъ въ Кучукъ-Василь, они кладутъ въ него свои вещи, садятся сами и ѣдутъ.

— Какъ васъ зовутъ? спрашиваетъ, наконецъ, своего спутника Соня.

— Меня зовутъ Васей,—отвѣчаетъ онъ ей.—Я ученикъ 3-го класса Симферопольской гимназіи. Моя фамилія—Милашкинъ, но всѣ мои товарищи за мой хорошій характеръ называютъ меня «славнымъ малымъ».

Экипажъ покатился по гладкому шоссе и, пока «славный малый» говорилъ ей о томъ, какъ онъ друженъ со своими товарищами по гимназіи, она склонила свою головку къ себѣ на грудь и сладко задремала. Онъ продолжалъ ей рассказывать о своихъ проказахъ и не замѣчалъ, что она спитъ, и когда экипажъ подъѣхалъ къ Кучукъ-Василію и она проснулась, то онъ такъ и не зналъ, что она не слышала ни одного слова изъ того, что онъ говорилъ.

— Ну, вотъ мы и приѣхали!—воскликнулъ онъ.—Здѣсь живетъ ваша миленькая тетя! Вы довольны, что добрались, наконецъ, до вашихъ палестинъ?

Вмѣсто отвѣта она вздохнула. Она никогда еще въ жизни не видѣла своей тети и боялась того, что ожидало ее впереди. Онъ понялъ ее и тоже глубоко вздохнулъ.

— Какая жалость,—сказалъ онъ,—что мой очаровательный дядюшка въ то же время и не вашъ! А то ваша тетюшка,—простите за выраженіе,—такая старая, скупая кочерга!

Она нахмурилась и не отвѣтила ему ничего. Онъ смутился за дерзость.

Затѣмъ онъ помогъ ей сойти съ экипажа, снялъ съ него ея багажъ и, сильно дернувъ въ звонокъ, снова сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ далѣе къ своему дому.

За дверью послышались чьи-то шаги, загремѣлъ съ той стороны желѣзный засовъ и чей-то женскій голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Это я...—отвѣтила Соня.—Изъ за-границы...

Женщина отворила ей и недовѣрчиво оглядѣла ее со всѣхъ сторонъ.

— Вы племянница нашей барыни?—спросила она ее.

— Да...—отвѣтила Соня и сердце ея забилось отъ такого холоднаго пріема.

— А эта собака чья?

— Моя!..

Соня схватила Дружка за голову и прижала ее къ себѣ, точно опасаясь, чтобы его отъ нея не отняли.

— Надо предупредить барыню...— сказала прислуга.— Она терпѣть не можетъ собакъ. У нея есть котъ Ѳомка, такъ она всегда боится за него.

— Не беспокойтесь,—предупредила ее Соня.— Мой Дружокъ никогда не трогаетъ кошекъ.

— Это все равно. Ѳомка очень боится собакъ и всякій разъ послѣ встрѣчи съ ними хвораетъ. Простите, барышня, но я не могу васъ впустить вмѣстѣ съ собакой. Подождите здѣсь, а я пойду доложу о вашей собакѣ барынѣ.

Она захлопнула передъ Соней дверь и оставила дѣвочку одну.

Было уже темно и съ моря дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ. Горы нахмурились еще больше и дѣвочкѣ показалось, что она попала куда-то далеко, къ чужимъ, откуда ей никогда уже нельзя будетъ вернуться назадъ.

Горничная появилась вновь.

— Пожалуйте,—сказала она.— Барыня васъ проситъ, только безъ собаки, одну. Собаку можно привязать на цѣпь на дворѣ.

— Я не разстанусь съ Дружкомъ никогда!—рѣшительно отвѣтила Соня и, повернувшись къ прислугѣ спиною, сдѣлала два шага по тротуару.

— Куда же вы идете?—испугалась прислуга.

— Не знаю!..—отвѣтила Соня и продолжала идти.

Горничная побѣжала вслѣдъ за нею.

— Послушайте, барышня,—стала она ее убѣждать.—Куда вы идете? На сегодняшній вечеръ мы запремъ вашу собаку въ сарай, а завтра я поговорю съ барыней. Быть можетъ она и разрѣшитъ... Вернитесь!

Она схватила Соню за рукавъ и почти насильно повела ее съ собою въ домъ. Что оставалось Сонѣ дѣлать? Бѣжать, куда глядѣли глаза, было невозможно, а разставаться съ Дружкомъ она не хотѣла ни за что на свѣтѣ. Не выпуская изъ рукъ цѣпочку отъ его ошейника, она послѣдовала за прислугой съ твердымъ рѣшеніемъ не уступать никому и когда ее ввели въ домъ и провели въ маленькую комнатку, въ которой стоялъ обитый клеенкой диванъ, то она ожидала, что сейчасъ вбѣжитъ къ ней ея тетя и набросится на нее за то, что она привезла съ собою Дружка.

Но тетя такъ и не явилась. Быль уже одиннадцатый часъ ночи и она лежала уже у себя въ постели и рядомъ съ ней находился ея избалованный котъ Ѳомка, который самодовольно мурлыкалъ ей свои сказки. Она не любила, когда ее беспокоили въ постели.

Горничная вышла и опять вошла съ постельнымъ бѣльемъ. Она покрыла простыней обитый клеенкой диванъ, положила на него подушку и одѣяло, взяла отъ Сони Дружка и увела его въ сарай. Соня хотѣла было возражать, кричать, но это у

нея не вышло, она упала на подушку головою и плакала, плакала безъ конца. Простыня сползла съ холодной клеенки, одѣяло свалилось на полъ и когда настало утро, то поднявшеся солнце заглянуло къ ней въ комнату и увидало, что она все еще не спить.

Кричали птицы, стрекотали насѣкомыя и вокругъ было такъ хорошо, какъ въ раю. Но въ домѣ тети было сумрачно и уныло, изъ сарая доносилось жалобное визжаніе Дружка и вся жизнь для Сони показалась грустной и безнадежной впереди.

По L. Mussat.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ.

Спустилась ночь... Заснула нива,
Туманъ поднялся надъ рѣкой
Роса ниспала и крапива
Поникла сонной головой.

Заснулъ лѣсокъ, стоитъ въ дремотѣ
И смолкой сильно пахнетъ ель,
И гдѣ-то далеко, въ болотѣ
Кричитъ безсонный коростель.

И отъ росистой, сочной травки
Струится нѣжный ароматъ,
Жужжатъ жуки, скрипятъ козявки
И звонко комары зудятъ.

Камышъ у рѣчки дремлетъ чутко,
Въ пшеницѣ перепелъ кричитъ...
Засни-жь и ты, моя малютка,
И пусть Господь тебя хранитъ!

М. П.

СКАЗКИ О РОЗАХЪ.

2. Розы и булочки.

Маленькая Лиза была очень довольна. Ея щечки раскраснѣлись, а глазки такъ и сверкали изъ-подъ капора, отдѣланнаго голубыми и бѣлыми лентами. За неимѣніемъ корзинки она несла въ своемъ передникѣ шесть штукъ вкусныхъ булочекъ, которыя только что булочникъ вынулъ

изъ печи. Онѣ были такія тепленькія, румяныя, поджаристыя, сдѣланныя на маслѣ и напоминавшія собою бисквиты. Да и сама она, толстенькая, походившая въ своемъ капорѣ на сливочное масло, важно выступала по тротуару и старалась представить себѣ то удовольствіе, съ какимъ ея

маленькіе братья и сестры схватятъ сейчасъ эти булочки и будутъ ихъ макать въ молоко и ѣсть.

Она была горда уже тѣмъ, что шла по улицѣ одна, такъ далеко, и что исполнила такое серьезное порученіе, какъ покупка этихъ булочекъ, тогда какъ для нея, дѣвочки шести лѣтъ, представлялось столько опасностей по пути: то какая-нибудь лохматая собака добродушно грѣлась у воротъ, то шли уличные мальчишки, которые даже не имѣли намѣренія ее затронуть, не считая уже тѣхъ громадныхъ волковъ, которые бѣгаютъ по дремучимъ лѣсамъ и не прочь лишній разъ полакомиться Красными Шапочками и ихъ бабушками.

Но вотъ, проходя мимо костела, она услышала изъ него звуки органа. Она заглянула въ него. Тамъ горѣли свѣчи, много свѣчей, и все блестѣло золотомъ и серебромъ. Ей ужасно захотѣлось побывать въ костелѣ, такъ захотѣлось, что она позабыла о своихъ братьяхъ и сестрахъ и о томъ, что они съ нетерпѣніемъ ожидали ея возвращенія домой, и вошла въ церковь. Но народу было тамъ такъ много, что за спинами Лиза не увидела ничего.

— Ты-бы, дѣвочка, пошла на хоры! обратилась къ ней одна старушка.— Оттуда тебѣ будетъ виднѣе!

— А гдѣ хоры? спросила Лиза.

Старушка провела ее на верхъ, поставила ее у рѣшотки хоръ и возвратилась обратно. Отсюда дѣвочкѣ было видно все, какъ на ладони. Вотъ свя-

щенникъ, вотъ сидятъ и стоятъ молящіеся, а вотъ внизу, гдѣ народу меньше, стоитъ какой-то мальчикъ и о чемъ-то горячо молится. Что это за мальчикъ и о чемъ онъ такъ молится?

Это Жоржикъ, сирота. Онъ стоитъ передъ образомъ святой Елизаветы Венгерской, на которомъ изображено такъ называемое «Чудо розъ», и смотритъ на него восторженными, просящими глазами.

На образѣ изображена Венгерская Королева Елизавета, причисленная католической церковью къ лику святыхъ. У нея русые волосы, голубые глаза, свѣтящіеся ангельской добротой, и такое выраженіе, точно она чѣмъ-то удивлена. Она приподняла свою красную бархатную мантию рукой и изъ-подъ нея видны розы, которыя она держитъ въ своемъ бѣлоснѣжномъ передникѣ другой рукой. И какія розы! Красныя, розовыя, бѣлыя, пунцовыя!.. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ отъ нихъ пойдетъ сейчасъ ароматъ!

Изъ всѣхъ святыхъ, которыхъ только зналъ Жоржикъ, онъ больше всего любилъ молиться именно Елизаветѣ Венгерской. Самое житіе этой святой казалось ему наиболѣе трогательнымъ и чудеснымъ. Онъ зналъ это житіе еще съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, когда еще сидѣлъ у своей покойной матери на колѣняхъ... Его мать когда-то цѣловала его и рассказывала ему, какъ однажды святая Елизавета Венгерская возбу-

дила противъ себя гнѣвъ своего мужа тѣмъ, что любила помогать бѣднымъ. Однажды онъ даже вовсе запретилъ ей помогать имъ, но она стала помогать имъ тайкомъ. Она клала хлѣбъ къ себѣ въ передникъ, покрывала его сверху своею красною мантией, чтобы не замѣтилъ ея мужъ, и уходила изъ дворца въ самые бѣдные кварталы города, чтобы раздать этотъ хлѣбъ нищимъ. Мужъ сталъ слѣдить за нею и, узнавши, что она продолжаетъ раздавать милостыню, рѣшилъ поймать ее на мѣстѣ преступленія и наказать ее за ослушаніе.

Какъ-то въ полдень Елизавета наполнила передникъ хлѣбомъ и, убѣдившись въ томъ, что за ней никто не наблюдаетъ, отправилась къ голоднымъ. Какъ вдругъ, точно изъ-подъ земли, передъ нею явился мужъ.

— Ты опять идешь къ нищимъ? строго спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ... отвѣтила она въ смущеніи.

— А, ну-ка, покажи, что у тебя въ передникѣ!

Она не осмѣлилась послушаться мужа. Дрожая, вся сгорая отъ стыда и ожидая для себя наказанія, она подняла одной рукой свою красную бархатную мантию, а другой рукой раскрыла передникъ.

Къ ея удивленію, въ немъ оказались розы... Не куски хлѣба, которые она несла, а розы. Бѣлыя, розовыя, красныя, пунцовыя!

— Ну, иди, иди!.. сказалъ ей мужъ.—А я думалъ, что ты несешь въ передникѣ хлѣбъ!

Она продолжала свой путь и, когда пришла къ голоднымъ, то они бросились къ ней за подаваніемъ.

— Простите, ласково сказала она имъ.—Сегодня я принесла вамъ не хлѣбъ, а розы.

Она опять приподняла свою красную мантию и въ ея передникѣ вмѣсто розъ вновь оказался хлѣбъ.

Когда мама рассказывала эту исторію Жоржику, то она его цѣловала. И теперь, когда онъ видѣлъ передъ собою изображеніе святой Елизаветы Венгерской, то онъ всегда вспоминалъ о своей покойной матери и потому любилъ часто ходить въ церковь и молиться этой святой. Къ тому-же она очень походила лицомъ на его маму. Точно художникъ нарочно нарисовалъ ее такою.

Измученный голодомъ, давно уже не ѣвшій, Жоржикъ пришелъ сегодня въ этотъ костель и сталъ молиться. Онъ ходилъ въ поле и въ лѣсъ, набралъ тамъ букетиковъ цвѣтовъ и цѣлый день, пока они не завяли, продавалъ ихъ на улицѣ дамамъ. Но онѣ не купили ихъ у него, а повсюду, гдѣ только онъ ни просилъ работы, ему отказали.

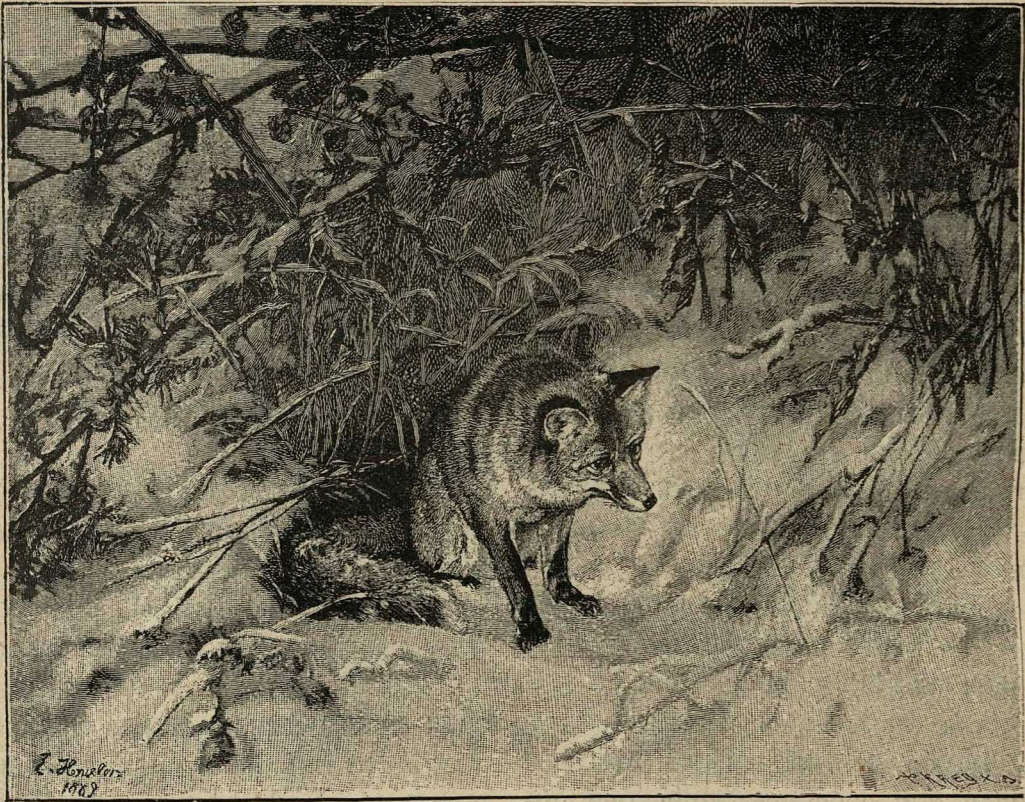
— Иди ты прочь! говорили ему.—Вы только умѣете воровать!

Онъ озябъ и пріятная теплота церкви разлилась по его членамъ, какъ только онъ въ нее вошелъ. Одежда у него была вся въ лохмотьяхъ и уже не грѣла его. Не смотря на муки голода, онъ подошелъ къ образу и сталъ молиться.

— Святая Елизавета, говорилъ онъ, ты помогала несчастнымъ. Пошли мнѣ хоть одинъ только маленькій кусочекъ хлѣбца, чтобы я не умеръ съ голоду. Я умоляю тебя... Я одинъ, совершенно одинъ на цѣломъ свѣтѣ и мнѣ некому помочь, кромѣ тебя...

на нее глаза и сталъ вѣрить, что святая приподниметъ сейчасъ свою мантию и вмѣсто розъ броситъ ему изъ передника хлѣба.

Какъ вдругъ откуда-то сверху на него посыпались всѣ шесть булочекъ, которыя держала въ своемъ передникѣ

Лисичка-сестричка.

Если я не поѣмъ сегодня, то завтра я уже буду не въ силахъ итти за цвѣтами въ лѣсъ... Просить-же милостыню я не могу! Сжался надо мною, святая Елизавета. Пусть хоть одна твоя роза обратится для меня въ кусочекъ хлѣба!

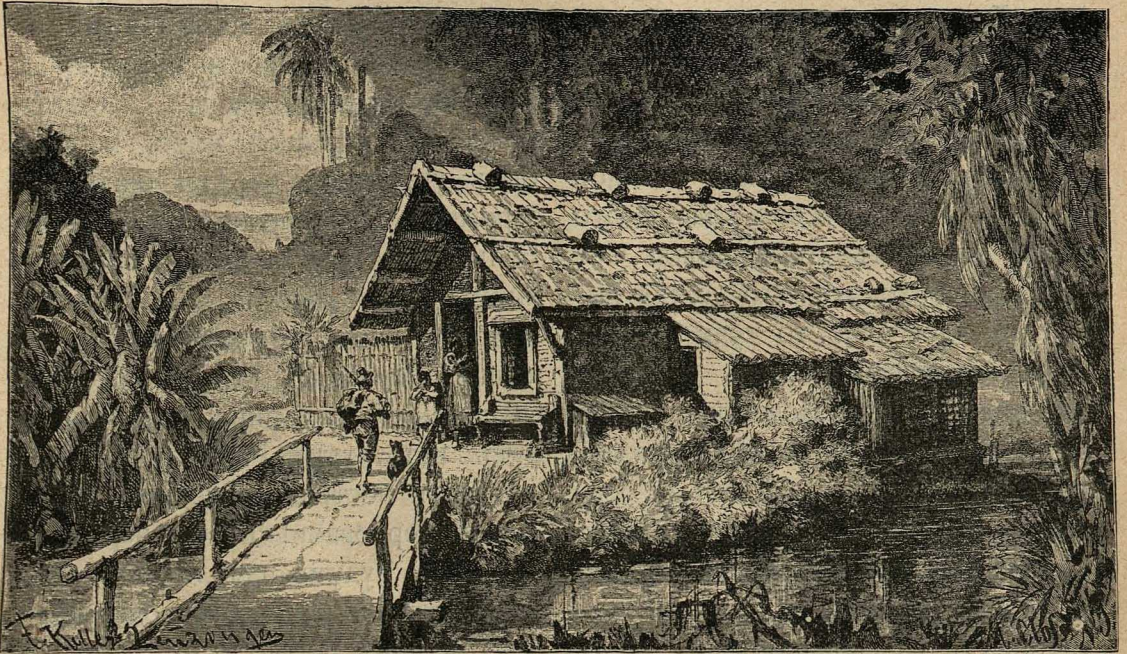
И въ своемъ отчаяніи онъ поднялъ

Лиза. Онъ бросился на нихъ, схватилъ ихъ и сталъ алчно ихъ поѣдать. Утоливъ свой голодь, онъ остановился передъ образомъ святой и, полный благодарности, сказалъ:

— Благодарю тебя, святая Елизавета. — Я зналъ, что ты совершишь для меня это чудо и бросишь мнѣ

изъ твоего передника не розъ, а до слова, не могла совладѣть съ собой, опустила свой передникъ и изъ хлѣба!

И, убѣжденный въ томъ, что это него посыпались всѣ ея булочки дѣйствительно розы обратились въ внизъ...

Домикъ въ Южной Америкѣ, въ Бразиліи.

хлѣбъ, онъ положилъ нѣсколько поклоновъ и съ благоговѣніемъ вышелъ изъ костела. А Лиза, маленькая Лиза, которая стояла на хорахъ и слышала эту молитву мальчика отъ слова

— Пусть этотъ мальчикъ будетъ сытъ!.. сказала она себѣ и еще съ большей гордостью отправилась изъ костела къ себѣ домой.

Съ французскаго.

ИЗРЕЧЕНІЯ.

Все живое трепещетъ мученія, все живое боится смерти; познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ— и не убивай и не причиняй смерти.

(Буддѣйская мудрость).

Благословеніе снизойдетъ на того, кто даетъ бѣдному; двойное благословеніе почіетъ на томъ, кто при этомъ встрѣчаетъ и провожаетъ его ласково.

(Талмудъ).

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Стояло прекрасное, хлѣбородное лѣто. Дождь и солнце такъ благопріятно чередовались между собою, что рожь была великолѣпна. Какъ только крестьянамъ казалось, что уже достаточно сухо, такъ тотчасъ же, точно по мановенію волшебнаго жезла, начиналъ итти дождь. А когда они находили, что дождя выпало уже довольно, то тучи разсѣивались на другой же день и вновь становилось ясно. Повсюду царило веселое настроеніе, нигдѣ не раздавалось, какъ прежде, жалобъ и, бодрый и радостный, по своему полю шелъ одинъ изъ крестьянъ съ двумя своими сыновьями и весело поглядывалъ на свои посѣвы.

— Хорошій у насъ въ этомъ году будетъ урожай! — говорилъ онъ. — Колосья отъ тяжести такъ и пригибаются къ землѣ. Выручимъ много денегъ. Тебѣ, Иванъ, и тебѣ, Илья, я сошью новые пиджаки и позволю вамъ поѣхать вмѣстѣ со мною въ городъ на базаръ.

— Если ты меня скоро не скопишь, мужичекъ, — зашептала ему рожь и низко поклонилась ему колосьями до земли, — то я растеряю всѣ свои зерна.

Крестьянинъ, конечно, не могъ понять, что она говорила ему, но при взглядѣ на ея колосья, онъ сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. По-

этому онъ отправился домой и сталъ отбивать и точить свою косу.

— Пріятно вырости на пользу человѣку, продолжала шептать рожь. — По крайней мѣрѣ, можешь быть увѣренной, что ни одно твое зернышко не пропадетъ даромъ. Большая часть ихъ пойдетъ на мельницу, — это, конечно, не совсѣмъ пріятно, когда тебя перетираютъ въ мелкій порошокъ, но зато какіе вкусные хлѣбы и пироги послѣ испекутъ изъ муки! Ради этой чести стѣдить и пострадать немного между двумя жерновами! Тѣ же зерна, которыя не будутъ измолоты въ муку, останутся до будущаго года, когда крестьянинъ посѣетъ ихъ снова на своемъ полѣ. И если онъ посѣетъ ихъ весною, то это будетъ яровой хлѣбъ, а если осенью, — то озимый.

— А что касается насъ, проворчалъ ей въ отвѣтъ одуванчикъ, — то насъ никто не сѣетъ и никто не собираетъ въ житницы! Кто-то позаботится о нашихъ сѣменахъ?

И онъ потрясъ отъ неудовольствія своей головкой, но съ большою осторожностью, чтобы съ нея не слетѣли его пушистыя сѣмена.

— А у меня даже болитъ голова отъ тяжкихъ думъ, сказалъ макъ-самосѣйка. — Она полна у меня зернышекъ и я даже представленія не имѣю, куда ихъ дѣть.

— Спросимъ совѣта у ржи, предложилъ репейникъ.

И всѣ они обратились ко ржи съ просьбой посовѣтовать имъ, какъ имъ быть.

— Мнѣ не до васъ, отвѣтила имъ рожь, такъ какъ у меня свои заботы. А если вамъ нуженъ совѣтъ, то вотъ извольте: постарайтесь не разбрасывать ваши сѣмена по моему полю, иначе имъ придется имѣть дѣло со мною.

Этотъ совѣтъ не могъ удовлетворить наши сорныя травы и онѣ цѣлый день продумали о томъ, что ихъ ожидаетъ впереди. Когда солнце зашло, онѣ приподняли свои листья, чтобы лучше заснуть, но всю ночь не могли успокоиться относительно своихъ зеренъ. Куда ихъ дѣть? Кто ихъ посѣетъ по всему полю, чтобы и они могли на слѣдующій годъ взойти и дать плодъ?

На утро проснулся первымъ макъ-самосѣйка.

Съ предосторожностью онъ открылъ маленькія дырочки въ своей головкѣ, чтобы доброе солнышко могло согрѣть черезъ нихъ его зерна. Затѣмъ онъ обратился къ утреннему вѣтерку, который пробѣгалъ мимо и весело перепрыгивалъ черезъ канаву, по которой росли сорныя травы.

— Утренній вѣтерокъ, — сказалъ онъ, — окажи мнѣ услугу!

— Изволь, отвѣтилъ вѣтерокъ. — Въ чемъ дѣло?

— Пустяки! продолжалъ макъ-самосѣйка. — Ты только покачай по-

сильнѣе мой стебелекъ, чтобы мои зерна могли вылетѣть изъ моей головки!

— Съ большимъ удовольствіемъ!

Утренній вѣтерокъ дунулъ и зерна разлетѣлись во всѣ стороны. Правда, при этомъ сломался самый стебель у мака-самосѣйки, но онъ на это не обидѣлся, потому что даже у людей родители часто приносятъ себя въ жертву для пользы своихъ дѣтей.

— Прощай! — крикнулъ ему утренній вѣтерокъ и приготовился бѣжать далѣе.

— Еще одну минутку! — остановилъ его макъ-самосѣйка. — Не говори объ этомъ никому, а то и другія сорныя травы захотятъ слѣлать тоже, что и я, и для моихъ дѣтей не будетъ тогда свободнаго мѣста роста!

— Хорошо, не скажу! — отвѣтилъ ему утренній вѣтерокъ и побѣжалъ дальше.

— Стой! Стой! крикнулъ ему вслѣдъ колокольчикъ. — И у меня есть къ тебѣ просьба!

— Что такое? остановился утренній вѣтерокъ. — Въ чемъ дѣло?

— Будь добръ, потряси меня немножко! Я открою сейчасъ въ моей головкѣ отверстія, а ты потряси меня и вытряхни изъ нея мои сѣмена. Пусть они разлетятся по всему свѣту! Только не говори, пожалуйста, объ этомъ никакой другой сорной травѣ, а то и она поступитъ также.

— Ни за что на свѣтъ! отвѣтилъ съ веселой улыбкой вѣтерокъ. Я буду молчать, какъ могила!

И онъ потрясъ колокольчикъ, высыпалъ изъ него сѣмена, разсѣялъ ихъ по полю и побѣжалъ дальше.

— Милый утренній вѣтерокъ, — взмолился къ нему одуванчикъ. — Куда ты такъ быстро бѣжишь?

— А, и ты тоже съ просьбою? — засмѣялся вѣтерокъ. — Тебѣ-то что нужно?

— Я хотѣлъ бы сказать тебѣ два слова...

— Говори, только скорѣй, а то и мнѣ пора на покой!

— Видишь ли. — началъ свою просьбу одуванчикъ; — каждый хочеть позаботиться о своихъ дѣтяхъ, хочу и я. Было бы желательно, чтобы не пропало ни одно мое сѣмячко, а куда я всѣ ихъ дѣну? Я не знаю, какъ поступятъ колокольчикъ, макъ-самосѣйка и репейникъ-лопухъ, потому что у нихъ сѣмена вовсе безъ пушинокъ, а у меня на каждомъ сѣмячкѣ есть пушинка и оно можетъ летѣть по воздуху, куда угодно. Будь такъ добръ, милый вѣтерокъ, помоги мнѣ: дунь на меня такъ, чтобы всѣ мои сѣмена разлетѣлись по всему свѣту!

— И этотъ туда же! подумалъ утренній вѣтерокъ и весело засмѣялся.

— Ты чего смѣешься? — спросилъ его одуванчикъ. — Я вѣдь видѣлъ, какъ ты разговаривалъ сначала съ колокольчикомъ и макомъ-самосѣйкой! Если ты имъ расскажешь эту мою выдумку, то я на тебя обижусь!

— Боже меня сохрани! — еще веселѣе засмѣялся утренній вѣтерокъ. — Я буду нѣмъ, какъ рыба!

И онъ дунулъ на одуванчикъ и его пушистыя сѣмена сорвались съ его головки и, точно пушинки, полетѣли въ разныя стороны по воздуху.

«Какъ же мнѣ быть?» подумалъ репейникъ-лопухъ. — «Вѣдь я не такой нѣжный, какъ одуванчикъ или какъ макъ-самосѣйка! Меня не скоро раскачаетъ даже буря! Какъ же мнѣ быть со своими дѣтьми? Неужели имъ навсегда оставаться на моихъ стебляхъ.»

— Скрой меня! Спаси меня! вдругъ раздался около него голосъ зайца. — Меня сейчасъ преслѣдуетъ собака и если ты не спрячешь меня сейчасъ подъ своими вѣтвями, то мнѣ не остаться въ живыхъ!

— Прыгай сюда! отвѣтилъ ему репейникъ. — Скачи скорѣе черезъ заборъ и прямо черезъ мои шишки лѣзь въ самую мою середину! Я не дамъ тебя никому!

Заяцъ прыгнулъ черезъ изгородь и, пролѣзая сквозь вѣтви репейника, нацѣплялъ на себя массу его шишекъ.

— Въ благодарность за то, что я спасъ тебя, сказалъ репейникъ, — ты разнесешь теперь по всему свѣту мои сѣмена, которыя находятся въ моихъ цѣпкихъ шишкахъ.

Вслѣдъ затѣмъ прибѣжала собака.

— Собака! крикнулъ зайцу репейникъ.

Заяцъ шмыгнулъ изъ куста репейника прямо въ рожъ и скрылся безслѣдно.

— Ты не видѣлъ здѣсь зайца? обратилась къ репейнику собака. — Сейчасъ я гналась за нимъ и потеряла его изъ виду...

— Видѣлъ... отвѣтилъ ей репейникъ. — И если ты окажешь мнѣ услугу, то я скажу тебѣ, гдѣ онъ.

— Изволь.

— Прыгни въ мой кустъ и выскочи изъ него!

Собака прыгнула въ кустъ репейника и выскочила изъ него вся въ репейныхъ шишкахъ.

— Ну, теперь бѣги черезъ эту рожъ прямо въ тотъ лѣсъ, посоветовалъ ей репейникъ. — Заяцъ скрылся въ томъ лѣсу и тамъ ты его догонишь. Только постарайся вытряхнуть изъ шишекъ сѣмена, когда будешь бѣжать черезъ рожъ!

Собака пустилась черезъ рожъ къ лѣсу и растеряла по дорогѣ всѣ сѣмена изъ шишекъ репейника.

— Отлично! проговорилъ репейникъ. — Теперь мои сѣмена взойдутъ прекрасно! Что-то придумаютъ теперь макъ-самосѣйка, колокольчикъ и одуванчикъ! Посмотримъ.

И онъ сталъ весело смѣяться.

Настала весна. Все въ природѣ только еще пробуждалось къ жизни, одна рожъ озимая была уже зелена и сравнительно высока. Она оглядѣлась по сторонамъ и улыбнулась солнцу.

— Хорошо! сказала она. — Намъ здѣсь цѣлая компанія и кромѣ насъ,

благородной ржи, здѣсь нѣтъ ни единой сорной травки! Какъ хорошо, что человѣкъ только для насъ однихъ такъ разрабатываетъ землю! Если бы онъ не разрабатывалъ ее такъ усердно, то отъ сорныхъ травъ намъ трудно было-бы расти!

Но настали теплые дни и вдругъ среди ржи появились цѣлыя толпы одуванчиковъ, колокольчиковъ, маки самосѣйки и даже репейниковъ-лопуховъ. Всѣ они гордо поднимали къверху свои головы и насмѣшливо выглядывали изъ ржи.

— Это еще что такое? воскликнула рожъ. — Какъ всѣ вы попали сюда?

А макъ-самосѣйка увидѣлъ рядомъ съ собою колокольчикъ и спросилъ его:

— А ты какъ сюда попалъ?

— Нѣтъ, какъ вы-то попали сюда? обратился ко всѣмъ имъ репейникъ-лопухъ.

И всѣ они были удивлены и стали поочередно рассказывать другъ другу свою исторію. Слушая ихъ, рожъ приходила въ негодованіе. Собака, заяцъ и утренній вѣтерокъ были не въ ея власти, она ничего не могла-бы съ ними подѣлать и ей поневолѣ приходилось примириться и уступить мѣсто сорнымъ травамъ.

Осенью какой-то охотникъ убилъ зайца, а собака околѣла сама отъ старости.

— Ну, теперь я буду спокоенъ, сказалъ крестьянинъ, хозяинъ поля. — Больше ужъ некому разносить по

ржи сѣмена репейника-лопуха. Но что мнѣ дѣлать съ утреннимъ вѣтеркомъ? Вѣдь онъ опять засоритъ всѣ мои посѣвы сорными сѣменами!

— А что-же такого? возразилъ ему вѣтерокъ, находившійся вблизи. Велика важность—трава во ржи! Съ этимъ ужъ ты не подѣлаешь ничего, потому что я ни у кого не спрашиваю позволенія, что мнѣ дѣлать и чего мнѣ не дѣлать, и даже сама рожь обязана преклоняться предо мною!

Онъ пробѣжалъ черезъ рожь и она заволновалась, точно море, и низко поклонилась вѣтерку.

— Вотъ видишь? снова обратился вѣтерокъ къ мужику. — Ты посѣялъ свою рожь, потому что это твоя обязанность, твой долгъ. — Но дождь, солнце и я—мы не въ твоей власти. Мы что хотимъ, то и дѣлаемъ, и слушаемъ одного только Бога.

А крестьянинъ, видя, что сорныя травы все-таки продолжаютъ расти въ его полѣ, сталъ бранить утреннй вѣтерокъ.

— Это все онъ, этотъ противный вѣтерокъ! ворчалъ крестьянинъ и указывалъ своему сыну на сорныя травы. — Я-ли не воздѣлывалъ своей земли, я-ли не отбиралъ для посѣва самыя лучшія сѣмена? А вотъ онъ нанесъ сюда этой дряни!

— Не ропщи... сказалъ ему вѣтерокъ. — Вѣдь если-бы я не нанесъ

тебѣ сюда этой, какъ ты говоришь, дряни, то на третій годъ тебѣ негдѣ было-бы гонять твой скотъ и нечего было-бы ему ѣсть. А теперь ты снимешь рожь, снимешь послѣ нея овесъ и затѣмъ будешь гонять по этому мѣсту свой скотъ, который найдетъ для себя здѣсь обильный кормъ.

Но крестьянинъ все еще продолжалъ ворчать и жаловаться сыну на козни вѣтерка.

Вѣтерокъ потерялъ терпѣніе, подскочилъ къ нимъ, сорвалъ съ нихъ обоихъ фуражки и покатилъ ихъ вдоль дороги. Крестьянинъ и его сынъ побѣжали за ними, но вѣтерокъ забѣжалъ впередъ и покатилъ фуражки дальше. А затѣмъ онъ сбросилъ эти фуражки въ находившійся недалеко прудокъ и онѣ наполнились водой и стали тонуть.

Крестьяне раздѣлись и должны были выкупаться поневолѣ.

— А и впрямь, съ вѣтромъ ничего не подѣлаешь, сказалъ молодой крестьянинъ.

— Да, отвѣтилъ ему отецъ, стряхивая съ фуражекъ воду. — Видно въ самомъ дѣлѣ вѣтеръ—дѣло Божье!

А вѣтерокъ побѣжалъ далѣе, поднялся къ облачкамъ, сталъ заигрывать съ ними и сталъ сгонять ихъ въ тучу, чтобы полить крестьянскую рожь дождемъ.

Съ датскаго, по К. Эвальду.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ:

- 1) Сидѣли на деревѣ три совы; охотникъ выстрѣлилъ въ нихъ и всѣ онѣ свалились съ дерева на землю. Что при этомъ произошло?
- 2) Чѣмъ отличается слонъ отъ роля?

ШАРАДЫ.

- 1) Первое—домашнее рабочее животное, второе—насъкомья, похожя на пчель; все вмѣстѣ—то, что есть у животныхъ и у человѣка.
- 2) Первое—число, второе то, что есть только у людей; все вмѣстѣ—главный городъ въ государствѣ.
- 3) Первое то, что падаетъ съ неба; второе то, что есть у мужчинъ и у нѣкоторыхъ звѣрей; все вмѣстѣ—показатель холода и тепла. Что это?

(Предложилъ Рыжикъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ насъкомыхъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ?

- 1) Высоко мартышка залѣзла, да свалилась.
- 2) Свалившаяся изъ лодки гитара канула въ воду.
- 3) Посади цвѣтокъ въ землю!
- 4) Стоящая у жолоба бочка полна воды.
- 5) Передъ отъѣздомъ нашъ папа укладывалъ вещи въ чемоданъ.

6) Ты-бъ лохань отставилъ въ сторону, а то она мѣшаетъ!

7) Черемуха цвѣтетъ пышными гроздьями.

8) Много у солдата ранъ; туловище все въ крови и онъ еле дышетъ.

9) Весь вечеръ видно было зарево пожара.

10) Каждый день я прихожу къ вамъ и не застаю васъ дома.

11) По вѣтру тенѣта паука такъ и развѣваются.

12) Я еще только руки намыливаю, вы-жъ уже лицо вымыли.

13) Преслѣдуемая и израненная лиса ранъ часто вовсе не замѣчаетъ и старается убѣжать.

14) У насъ на лугахъ посѣяны клеверъ и тимощка.

(Предложила Женя Стрекоза.)

II.

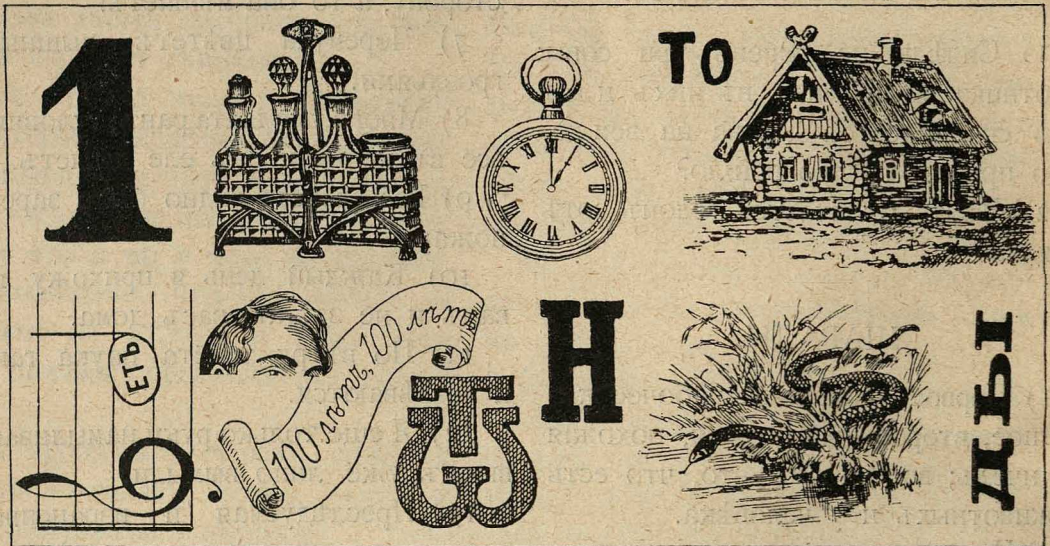
Найти слова, означающія:

- 1) Рыбу.
- 2) Хвойное дерево.
- 3) Домашнее хищное животное.
- 4) Часть тѣла.
- 5) Овощъ (большой, круглый).
- 6) Сонливое животное.
- 7) Небольшое домашнее животное.
- 8) Напитокъ.
- 9) Твердую безгласную букву.

Изъ начальныхъ буквъ первыхъ восьми словъ составить фамилію русскаго писателя.

(Предложила Нина Бриксъ).

РЕБУСЪ № 9.

Рышеніе ребуса № 8, шарадъ и головоломкѣ, помѣщенныхъ въ № 16 «Золотого Дѣтства».

Ребусъ № 8. Въ — Ъ — т + ромъ + по — н — е + слонъ + а + шуба + р + жукъ + бе + ре + губы + ст + роза + гна + ловъ + кустъ + ы + уда + ри + лобъ + око + мѣ + о + камни + й су + дно + разъ + би + лось = Вѣтромъ понесло нашу баржу къ берегу, быстро загнало въ кусты, ударило бокомъ о камни и судно разбилось.

Шарады: 1) Боръ + до = Бордо, 2) до + лото = долото, 3) я + года = ягода, 4) таганъ + рогъ = Таганрогъ.

Головоломки: 1) Осень, День, Ель, Сосна, Смола, Азія = Одесса. 2) Сыръ, башня, бумага, комаръ, амбаръ, азбука = Самара. 3) Аристократъ, 4) Омуть, Сарай, осель, Алтай, воръ = салатъ, масло. 4) Пи (рогъ) + столѣтъ = пистолетъ.

Ариомографъ I: Зима, рама, замазка, карнизъ. Задуманное слово Карамзинъ.

Ариомографъ II: Театръ, интересъ, старина, артистъ. Задуманное слово — Стеаринъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Нина Брикъ изъ Выборга, Вилюсенька изъ Липецка. Б. Городецкій изъ Кинешмы, Юля Попова изъ Москвы, Коля Ивановъ въ СПБ. Н. Игнатовъ въ СПБ. Сергѣй Бруевичъ изъ Москвы, Сережа Киселевъ изъ Максимовки, Жанъ и Володя изъ Ялты, Тюля Давыдова изъ Тифлиса, Вѣрочка и Андриша Степановы изъ Харькова. Николай Шишкинъ, Владиміръ, Георгій и Евгений Конрадъ, Саша Штавеманъ изъ Келломякъ, Саня и Одея Климъ изъ Токмакова, В. И. и Л. Милоченко изъ Сорочинець, Клавушка Писаревская изъ Казатина, Зина Синани изъ Харькова, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Леля Бемъ, Шура и Вѣра Габриловичъ изъ Халилы, Zozo Zemlianitchka—Kostritsky, Ева Бабаджанъ, Андриша Федотовъ-донской казачекъ, Шета Мякишева изъ Севастополя, Варуса и Лена Путилины изъ Бобринца, Миля Вайнштейнъ изъ Алѣшекъ, Котя и Катя Николаевы изъ Харькова.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **1 руб. 90 коп.**

Подписка принимается: а) для иногороднихъ — въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“ С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3**, б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «**Новаго Времени**» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

✎ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ✎

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

